

в месть злодеем, а в похвалу добро творящим... судя суд истинен и нелицемерн, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих меньших и работающих сироты и насилье творящих... И плакашася по нем сынове его плачем великим и вси бояре и мужи и вся земля власти его».³⁶

Индивидуальной хвалой почтил летописец князя Василька Ростовского, в отличие от других панегиристов князей, умолчав о благочестии и христианских добродетелях своего князя: «Бе же Василько лицем красен, очима светел и грозен, хоробр паче меры на ловех, сердцем легок, до бояр ласков. Никто же бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел и чашю пил и дары имал, тот никако же у иного князя можаше быти за любовь его. Мужьство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста. Бе бо всему хытр и гораздо умея». Когда князь умер, «множество народа изидоша противу ему, жалостные слезы испущающа, оставше такого утешенья. Рыдаху же народа множество правоверных, зряще отца сирым и кормителя отходящим, печальным утешенье великое, омрачным звезду светоносну зашедшу».³⁷

Плачи, сопровождающие некроложные характеристики или описания трагических событий в жизни родины, отмечаются иногда гиперболизмом в изображении горя народа или участника этих событий. В литературе с XIV в. этот гиперболизм заметно нарастает, как одно из проявлений создающегося «экспрессивно-эмоционального стиля» в изображении психологии человека.³⁸ Примером может служить изображение отчаяния князя Ингваря, оплакивающего разорение Рязанской земли, смерть матери и князей-братьев и «удальцов и резвцов, узорочия резанского». Ингварь «жалостно воскрича, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великого кричания и вопля страшного лежаше на земли яко мертв... воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся и в перьси свои руками биюще и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию яко поток течаше и жалостно вещающи».³⁹ В самом плаче еще более усиливается описание состояния плачущего: «Се бо в горести души моя язык мой связается, уста загражаются, зрак опусмевае, крепость изнемогает». В торжественном «Слове о житии и преставлении» Дмитрия Донского народное горе, вызванное смертью князя, описано столь же гиперболично.

Панегирические некрологи и плачи были своего рода «одами» средневековой литературы, которые в лучших своих образцах имели целью внушить читателям уважение к памяти князей, готовых «умрети за Русскую землю», посвятивших свою жизнь «на великая дела», под которыми разумелась оборона государства и забота о его процветании. Иногда и при жизни исторический деятель удостоивался прославления в связи с особо памятным событием. Взятие Казани, отмеченное обширной повестью, дало повод автору сложить подобное славословие Ивану IV как защитнику государства: «Убояшася его крепкие силы погании царие, и устрашишася меча его нечестивии короли, военачальницы нагайския мурззы усумнешася блещания копей его и щитов, и вострясошася и побегоша немцы с магистром ото искуснейших ратоборец. И сосече стремление люборатным казанцем, и смирение прекланяет выа черемиска».⁴⁰

Между древнерусскими некроложными или прижизненными славами и плачами, с одной стороны, и классицистической лирикой на аналогичные

³⁶ Там же, стлб. 436—437.

³⁷ Там же, стлб. 466—467.

³⁸ См характеристику этого стиля в книге: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 80 и сл.

³⁹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском.—ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 296, 298.

⁴⁰ Казанская история, стр. 176.